ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ О ТОМ, ЧТО КРУПНЫЕ БАНКИ (СБЕРБАНК, ВТБ 24) В АПРЕЛЕ НАЧНУТ ПРОДАВАТЬ НАСЕЛЕНИЮ ОБЛИГАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАЙМА (ОФЗ)? (%)

Опрос проведен «Левада-Центром» в начале марта 2017 года.

предыдущие разы, после дефолта 1998 года, государство рассчиталось полностью с физическими лицами не только по ОГСЗ, но и по ГКО.

Основных рыночных рисков два, хотя они тесно переплетаются друг с другом. Во-первых, это резкий рост курса доллара. В последнее время российские власти постоянно говорят о переоцененности рубля. И Минэкономики, и Банк России не исключают уже в этом году падения цен на нефть с нынешних $50–55 за баррель до $40–45 за баррель. В такой ситуации, по мнению главы Минэкономики Максима Орешкина, в ближайшие месяцы курс доллара может вырасти до 63–64 руб./$, а к концу года — до 68 руб./$. С учетом значений, сложившихся в середине апреля (менее 56,5 руб./$), рост может составить 11,5–13%, а к концу года и вовсе превысить 20%. В таких условиях, возможно, проще купить валюту и не заморачиваться на открытие счета и покупку гособлигаций. Во-вторых, рост процентных ставок на рынке. Конечно, в нынешних условиях это предположение выглядит слишком смелым. Ведь потенциал снижения ключевой ставки, за которым последует и снижение ставок по госбумагам, составляет сейчас несколько процентных пунктов. Однако сценарий роста ставок не исключен в будущем, например, через полтора-два года. Тем более что к этому времени Минфин может значительно сократить или вовсе убрать надбавку по доходности к рыночным ОФЗ. В этом случае возможно недополучение дохода, который реализуется на долговом рынке.

По словам Александра Лосева, население учится финансовой грамотности либо на своих ошибках, либо в отделениях банков. «Ваучеры, народные IPO, комментарии про плавающий рубль — это негативные примеры для нынешнего поколения взрослых людей, так же как военные и послевоенные облигации, изымавшие часть семейного дохода у их родителей, бабушек и дедушек»,— отмечает он. Необходимы позитивные примеры, и новые ОФЗ при всех их ограничениях могут стать таким примером. ●

ОБЛИГАЦИЯ НА ПАМЯТЬ

ДМИТРИЙ БУТРИН,
заместитель шеф-редактора «Коммерсанта»

У слова «облигация» в России настолько бурная и непростая судьба, что для российского Минфина было бы большим искушением именовать облигации федерального займа (ОФЗ) для населения каким-нибудь другим словом. За этим в памяти народной такой длинный шлейф самых разных воспоминаний, что, возможно, лучше бы начать дело с чистого листа. Так, кстати, не один раз делалось, хотя и безуспешно.

До 1917 года «облигация» как термин был известен преимущественно юристам и банкирам. С собственно корпоративными fixed assets, на которые выстроена почти вся дореволюционная большая промышленность в Российской империи, население дело почти не имело. Напротив, государственные облигации имели среди зажиточного населения устойчивую и высочайшую популярность, что обернулось последствиями в советское время, но именовались они по большей части рентой, билетами казначейства или процентными бумагами, а не облигациями, несмотря на то что слово «облигация» на них было, как правило, написано. По этим бумагам (государственная рента 1914 года, билеты казначейства 1908–1916 годов, государственные процентные бумаги 1917 года) выплачивалось обычно 4% доходов (по предъявлению купонов, которые стригли).

Мало того, на них почти не покушались даже большевики: если уже в декабре 1917 года банковские депозиты были конфискованы, то с начала 1918-го гособлигации были приравнены по номиналу к деньгам и признаны законным платежным средством. Частичным исключение составлял «Заем свободы» Временного правительства 1917 года — деньгами новая власть признала облигации номиналом до 400 руб., все, что выше, объявлено бумагой.

С «Займа свободы», кстати, и начала портиться репутация облигаций в России. К сверхплановым выпускам облигаций для населения, которые в массе своей облигации не покупает из-за отсутствия свободных денег и привычки жить на проценты, власти обычно прибегают во время войны — с соответствующими преференциями покупателям. В 1916 году царским правительством был выпущен специальный десятилетний «Военный заем» со стандартной доходностью 4% и рядом преимуществ для покупателей, который впервые рекламировался как «помощь воюющей Родине». «Заем свободы» весны 1917 года был уже классическим по параметрам выпуском военных облигаций для населения, но рекламировался скорее истерически — с сильнейшим акцентом на патриотизм их приобретателей.

Советская власть запомнила неожиданный успех сопряжения военно-патриотической истерии с гособлигациями, но поначалу ими не злоупотребляла: с 1922 по 1938 год выпускались в основном облигации на предъявителя с доходностью 6% годовых. До 1929 года почти все они сочетались с лотереей и были выигрышными. Заем 1930 года «Пятилетка в четыре года» уже рекламировался как политический: приобретение этих бумаг расценивалось как лояльность советской власти. Уже с 1927 года государство на облигационных бумагах вместо стандартных консервативных банковских виньеток начало пояснять, чего оно желает, изображая тракторы, прокатные станы, химические комбинаты. Но покупка бумаг до 1936 года была еще вполне добровольной — покупателям «давили на сознательность», но отказаться можно было без особого риска.

Первые черты «принудительного займа» появились после выпуска «Займа укрепления обороны СССР» 1937 года. Настойчивость государства в предложении облигаций населению нарастала, на оборонных предприятиях в 1937–1941 годов подписка на облигации персонала многих государственных предприятий и учреждений была уже полупринудительной — под угрозой увольнения. Впрочем, на крупные суммы никто не покушался, а надежность облигаций как средства сбережений не вызывала вопросов: в условиях низкой довоенной инфляции они были надежны, поэтому облигациями в ряде случаев можно еще, например, отдать долг или заплатить за новый дом, поэтому они воспринимались как средство принудительного накопления.

Военные займы 1942–1945 годов были уже практически всегда частично принудительными: на многих предприятиях ими выдавали до 20% зарплаты без объяснений, да и что было объяснять — танки, пулеметы и красноармейцы на облигационных бумагах все сами объясняли. Тем более что мобилизационная экономика в 1941–1950 годах (для экономики военное положение закончилось сильно позже, чем боевые действия) упрощала жизнь: карточная система давала возможность выживать, деньги для большинства снизили свое значение, а меньшинство, для которых сильная военная инфляция делала жизнь невыносимой, все равно облигаций не покупало. Впрочем, и в 1946 году, когда был выпущен «Заем восстановления и развития народного хозяйства», считалось, что это все еще ценная бумага.

Денежная реформа 1947 года обнулила эти надежды: средства, вложенные в довоенные и военные займы, были предметом конфискационной денежной реформы, уплата по ним была отсрочена. Следующие четыре выпуска этих займов, 1947–1950 годов, распространялись уже де-факто принудительно. Правительство СССР пыталось спасти идею облигаций, выпустив в 1947 и 1948 годах особые билеты госзайма, которые в отличие от бесполезных «займов развития» клятвенно обещали не конфисковать и обслуживать, как при царе-батюшке. Но доходность по ним составляла сначала 3%, а затем 2%, что с послевоенной инфляцией было уже несопоставимо. Следующий такого же типа заем был выпущен СССР лишь в 1966 году, тогда как принудительные «займы развития народного хозяйства» выпускались до 1957 года.

В ходе денежной реформы 1961 года часть стоимости облигаций для населения снова конфисковывалась, а погашение по всем ранее сделанным займам переносилось. Впрочем, возмущались уже немногие. «Облигации» 1941–1957 годов в больших количествах оседали в шкатулках и сундучках, но все знали, что они ничего не стоят и государство платить по ним не собирается.

Частичное погашение облигаций для населения первого массового выпуска 1927 года должно было начаться в 1957 году, но распоряжением властей было отнесено к 1977 году, в целом же первые минимальные выплаты по советским займам начались лишь в 1971 году. Держатели бумаг 1941–1957 годов, у которых были конфискованы в этих бумагах миллиарды рублей, теоретически могли получить что-то в 90-х годах XX века.

В 1982 году СССР попытался в последний раз восстановить добрую честь облигаций для населения, выпустив облигации государственного выигрышного займа.

Как и многие «особые» бумаги советской власти, они безо всяких оснований именовались в народе «золотым займом», хотя золотом, как дореволюционные «золотые займы», например 1896 года, их никто обеспечивать не собирался. Впрочем, при первых признаках готовности государства заставлять граждан покупать облигации выигрышный заем 1982 года потерял репутацию.

Отметим, выплаты по этому займу в теории должны завершиться в 2020 году — дефолт, фактический или юридический, по ним не объявлен, обслуживаются и уже целевые беспроцентные и облигационные займы 1990 года, первый заем РФ 1992 года был спокойно погашен в 2005 году, а в 2002 году Минфин РФ безупречно разместил и погасил краткосрочные облигации для населения, выпущенные в 2000 году.

Но все тщетно. В народной памяти «облигацией» все равно останутся, и надолго, непогашенные облигации советской власти — красивая государственная бумага, по которой никто и никогда ничего не получит. Она почти как настоящая, и с ними дают играть внукам — больше с ними нечего делать. ОФЗ для населения 2017 года, кстати, будут выпускаться уже в бездокументарной форме.